

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ПРОТИВ АПОСТАСИИ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются идеологические основы традиционализма старообрядчества, которые восходят к дораскольному православию Московской Руси. Проверая все жизненные явления на соответствие христианскому идеалу, старообрядцы еще на заре глобализации угадали в ней угрозу для традиционного общества и находили ответы на ее вызовы в своей жизненной практике. Автор приходит к выводу, что идейный багаж и практический опыт старообрядчества могут быть востребованы в современной ситуации как инструменты противодействия разрушительным для национальной самобытности процессам вестернизации и дехристианизации российского общества.

Ключевые слова: вестернизация, апостасия, старообрядцы, традиционализм, дехристианизация, глобализация, конфессиональная благотворительность, религиозный коллективизм.

Вестернизация – заимствование англо-американского или западноевропейского образа жизни в экономике, политике, образовании и культуре, – не является для России чем-то новым, присущим лишь нашей современности: напротив, составляет ее очередной, хотя, возможно, и заключительный этап. Отправным моментом в этом процессе явился раскол Русской православной церкви в XVII в., религиозно-культурным содержанием которого стала переориентация русского правительства с национальных традиций на универсальные греко-православные ценности, которая подготовила в той или иной степени петровскую вестернизацию, со сменой государств-образцов, продолжавшуюся затем в течение последующей истории России.

Старообрядчество сформировалось именно как оппозиция вестернизации; в нем наиболее полно воплотилось все, что определяется понятием «русскость», корни которой восходят к дораскольной, Московской Руси: времени, когда все жизненные явления воспринимались людьми через призму религиозного сознания. В Московской Руси религия определяла стиль русской жизни – церковно-общинной и повседневно-бытовой, а значит, формировала и собственно русскую идентичность: понятия «русский» и «православный» были тождественны. Эту особенность русской национальной самоидентификации основатель евразийства Н. С. Трубецкой обозначил понятием «бытового исповедничества» – единства православной веры, культуры и быта. Воспринимая их как единое целое, говорит он, «русские люди того времени ставили между понятиями “русский” и “православный” знак равенства. Языковые и физические признаки русской расы рассматривались ими как несущественные. Существенно для русского было только его православие... “Чужой” было не этнографическим, а этическим представлением»¹.

Процессы прямого заимствования западных ценностей и переноса структур, технологий и образа жизни западных обществ в условия России, как правило, инициировались и продвигались ее руководством и элитами, без учета мнения народа, его способности, желания и готовности к их восприятию, что вызывало порой его ожесточенное сопротивление, одним из наиболее ярких примеров которого является раскол. За счет ресурса прочности своих государственных основ России удалось избежать колониальной зависимости, которой сопровождалась вестернизация во многих других странах мира, и даже на некоторых ее этапах ограни-

чить западное проникновение, что позволило русскому обществу сохранить ряд самобытных черт: традиционную народную культуру и в лице многомиллионного старообрядчества – дониконовское православие, русское национальное христианство. Современный этап вестернизации грозит окончательно нивелировать остатки русской самобытности. В настоящее время происходит уже не столько заимствование, сколько настойчивое навязывание России, как и другим странам, западных, преимущественно англо-саксонских стандартов. Вестернизация здесь выступает уже не как самоцель, но как важнейший инструмент глобализации – процесса формирования нового мирового порядка, характеризуемого слиянием, – как правило, принудительно и насильственно, – национальных экономик в одну единую экономическую систему, уничтожением национальных государственных правительств, а значит, и государственных границ. Между тем никаких защитных механизмов, которые контролировали и дозировали бы степень ее влияния на российское общество, нет или же, что почти одно и то же, – они конструируются чересчур медленно и с большим опозданием.

Одним из наиболее опасных свойств вестернизации, разрушающим остатки национальных культур, является апостасия, или обмирщение: процесс ухода от Церкви отдельных индивидов и общества в целом. Апостасия ведет к падению авторитета Церкви и ее влияния на жизнь людей, которые перестают руководствоваться церковными правилами, не соотносят с религией свои поступки, не хотят, чтобы Церковь навязывала им какие-либо нравственные установки и тем самым ограничивала их права и свободы. Подобные взгляды – неотъемлемая составляющая вестернизации, с помощью которой она демонтирует религию как стержень традиционной национальной культуры, расчищая место для глобальных универсальных, так называемых «общечеловеческих» ценностей. В результате формируется мировоззрение, восходящее по своим корням к европейскому Просвещению, «производное от идеи об автономности человека от Бога, которая неизбежно приводит к утверждению автономности человека от всех высших ценностей – сначала религиозных, затем вытекающих из них нравственных, далее – национальных, наконец, семейных»².

Таким образом, происходит дехристианизация, а затем и дегуманизация мировоззрения. Отказавшись от традиционных регуляторов общественной жизни, люди перестают различать добро и зло, что делает их беззащитными перед лицом зла. Н. Бердяев сформулировал мысль о том, что не может быть личности без способности различать добро и зло: «личность выковывается в различении добра и зла, в установлении границ зла. Когда стираются эти границы, когда человек находится в состоянии смещения и безразличия, личность начинает распадаться. Крепость самосознания личности связана с обличением зла, с рассекающим мечом»³.

Признаком того, что значительная часть человечества не согласна и не готова расстаться с национальными основами жизни, является феномен ретрадиционализации – возврата к старым традициям как ресурсу противостояния вестернизации. В данном контексте не случайным выглядит все возрастающее внимание к наследию старообрядческой цивилизации, которое пока, к сожалению, остается в практическом отношении совершенно невостребованным.

Между тем явление глобализации и ее возможные последствия были угаданы и спрогнозированы старообрядческой мыслью уже в начале XX в. (стоит отметить, что рубеж XIX – XX вв., по мнению некоторых исследователей, можно считать первой фазой глобализации⁴), когда стремительное развитие капитализма уже предопределяло будущую глобальную трансформацию мира. В этот период формируется единый мировой рынок, капитал становится политической силой и выходит за границы национальных государств, создаются транснациональные корпорации. Все эти процессы

были рассмотрены В.И. Лениным в книге «Империализм как высшая стадия капитализма»⁵; старообрядческая интеллигенция изучала эту книгу, как и русский марксизм в целом. Но если внимание марксистской социологии было направлено на социально-экономическое и политическое содержание процесса развития капитализма, то старообрядцев интересовало, прежде всего, его влияние на судьбу человеческой личности, неизбежность разрушения которой они видели в характере и сущности капиталистических отношений. Так, например, на страницах дореволюционного старообрядческого журнала «Слово Церкви» была высказана следующая мысль: «Наиболее трудно преодолимой препоной для воцарения грядущих форм жизни является индивидуальная человеческая личность, и для нивелирования последней капиталистические формы жизни разъедают и развращают не только прежние общественно-политические учреждения, но и основу всего существующего строя – семью, семейный очаг»⁶.

Со своей стороны старообрядчество считало необходимым и было в состоянии дать отпор этим разрушительным процессам не только в области теоретической мысли, но и повседневной практикой, всем способом своего существования, фундаментом которого во все времена был и остается традиционализм, в первую очередь религиозный. Старообрядческий писатель и журналист В. Сенатов характеризует историю старообрядчества как «историю развития собственно русской религиозной мысли, зарожденной в глубине веков, задавленной было при Никоне, но никогда не утратившей своих жизненных сил, растущей стихийно»⁷. Важнейшее проявление религиозного традиционализма старообрядчества – его свойство смотреть на все явления жизни через призму религиозности, оценивать их с точки зрения того, насколько они согласуются или расходятся с вероисповеданием: «Мы, как последователи истинного христианства, в основу своих понятий прежде всего должны положить учение Христа и на этом учении, как на краеугольном камне, будем испытывать всякое другое учение: от Бога ли оно?»⁸. В то же время старообрядчество не является исключительно религиозным феноменом: «... староверие не взгляд, не мысль, не направление, а сама жизнь, жизнь русского народа во всем его многообразии и сложности»⁹.

Рассмотрение с точки зрения старообрядческого традиционализма основных трендов, которые «прививаются» западничеством российскому обществу и приобрели особое звучание в настоящее время, показывает диаметрально противоположность вестернизационной апостасии и идеологии старообрядчества, практически по всем позициям, прежде всего в вопросе прав человека и свободы личности. Идее прав человека в их либертарианской интерпретации, доводящей до абсурда гипертрофированную свободу индивидуума (вплоть до права на самоуничтожение) и полностью освобождающей его от обязательств перед обществом и государством, можно противопоставить старообрядческое понимание свободы личности как свободы совести – права «следовать в вопросах религиозной веры исключительно велениям своей совести и открыто высказывать свои убеждения в делах веры». Это право ставилось во главу угла, объявлялось «священным», поскольку понималось не как дарованное государством своим гражданам, а как неотъемлемое, присущее человеку от рождения: «не государство провозгласило это право, а возвестило его человечеству Евангелие», а потому оно должно быть для государства неприкосновенным: «лучшие люди шли на страдания, на смерть во имя этого данного не государством права. И наше старообрядчество, со своим сонмом мучеников, стало на борьбу, кровавую и жестокую, стало на защиту тех высших ценностей, которые накопились у человечества за всю его историю». Ставя человеческую личность выше государства, старообрядческая мысль, тем не менее, не отрывала ее от государственных форм, как это делает мысль либертарианская, а, напротив, считала ее

творцом государственности. Идеалом старообрядчества была теократия – постепенное превращение государства и общества в Церковь, т.е. «расширение ее на все стороны человеческой жизни»¹⁰.

В контексте прав и свобод личности находятся и вопросы ее отношения к государству. Западная апостасия здесь предлагает (навязывает) космополитизм как «суждение, что отношение к государству как ценности и любовь к Отечеству, в каком бы состоянии они ни находились, суть архаичные понятия, несовместимые со “свободой индивида”», а значит, – «где лучше, там и родина»¹¹.

Старообрядческий традиционализм, сформировавшийся на христианской основе, разделяет Отечество и государство: старообрядцы «уходя от преследований, никогда не уходили от своей Родины»; даже будучи вынужденными ее покинуть, они сохраняли с ней тесную связь и при первой возможности возвращались обратно. Считая государственную власть России несправедливой, несовершенной, возлагая на нее ответственность за раскол русской церкви и связанные с ним громадные потери, они, тем не менее, никогда не боролись с ней. Известны попытки революционных демократов привлечь старообрядцев, как пострадавших от царизма, к революционному движению, которые не дали никаких результатов. Причина была не только в следовании старовой вере апостола Павла – «Нет власти не от Бога, существующие же власти Богом установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Римл. XIII, 1-2), но и в традиционности его мировоззрения, для которого Отечество было метафизическим, неизменным понятием, ценностью, которую нельзя отбросить из-за разочарования в конкретной власти и ее политике. Старообрядческий писатель И.А. Кириллов утверждал, что старообрядчество несовместимо с диссидентством, чуждым его психологии «как религиозной, так и государственной».

Полностью отрицался старообрядчеством и индивидуализм – неотъемлемое свойство западной апостасии: уходя от Церкви, люди утрачивают важнейший стимул к объединению, культивируют эгоизм и равнодушие к судьбе других людей и общества в целом. Все это необходимо для формирования глобализированного варианта «гражданского общества», которое, по мысли его творцов, должно состоять из автономных индивидов, не связанных друг с другом «ни духом, ни мирозерцанием, ни историческими переживаниями, ни едиными представлениями о грехе и добродетели, которые в христианском, особенно православном, толковании и делают из народонаселения нацию»¹².

Индивидуализации вестернизированной личности противостоит старообрядческий идеал религиозно-коллективной, общинной жизни. По мысли С. Булгакова, «действительное объединение людей может быть только мистическим, религиозным, и насколько стремятся достигнуть его вне религии, это есть совершенно недостижимая цель... Только Церковь может ставить себе и способна разрешить задачу, за которую берется социализм, задачу объединения и организации людей»¹³. Общинность для старообрядчества являлась единственно возможной формой человеческого общежития – объединения людей и организации их полезной жизнедеятельности. Старообрядчество не мыслится вне общины, вне конфессионально-территориальной организации, которая могла быть и небольшой замкнутой общностью, и огромным объединением: локально-концентрированным, как, например, знаменитая «Выгореция», или же разбросанным по всей территории России – «федерацией» общин конкретного согласия или толка, последователи которого поддерживали теснейшие связи, несмотря ни на какие разделяющие их расстояния и препятствия¹⁴.

Сплоченность и взаимовыручка старообрядческих сообществ помогали им решать громадные по объему задачи хозяйственного освоения сложных для выживания окраинных территорий – Кавказа, Сибири, Дальнего

Востока, что способствовало закреплению этих регионов в составе страны. Например, в процессе продвижения в поисках Беловодья «за китайский рубеж» старообрядцами были заняты новые пограничные районы, «так что нашим дипломатам оставалось лишь оформить это завоевание»¹⁵. Старообрядцам Россия обязана также первоначальным освоением Минусинской котловины, Забайкалья, Приамурья; объективно староверы выполняли здесь миссию государственного, имперского значения; в этом состояла их громадная заслуга перед Отечеством.

Старообрядческое наследие может быть противопоставлено также навязываемому вестернизацией идеалу потребления как почти единственной цели и смысла жизни. Старообрядчество, в массе своей представлявшее наиболее состоятельный слой российского общества, никогда не делало богатство самоцелью. Его жизненная энергия находила свое приложение в труде как одной из христианских добродетелей; результатом упорного созидательного, хорошо организованного труда являлись достаток и богатство. В XIX в. купцы-старообрядцы сосредоточили в своих руках большую часть российских капиталов, при этом старообрядческое предпринимательство явило собой «образцы аскетически честного и требовательного к себе купечества, не играющего в двусмысленные игры с властью, не ищущего выгодных государственных подрядов, льгот, заказов»¹⁶. Староверие считало греховным демонстрировать свое богатство, поэтому никогда не кичилось им и не выставляло его напоказ. Напротив, отличительными чертами быта купцов и богатых крестьян-старообрядцев были скромность и даже аскетизм. Богатство в значительной мере ценилось как возможность помогать ближнему. Старообрядчество создало систему конфессиональной благотворительности, составляющими которой были богадельни, приюты, поддержка нуждающихся членов общин. Частные средства вкладывались также в строительство и украшение молитвенных зданий, скитов и монастырей. Таким образом, старообрядческая экономическая модель основывалась не на беспринципном стяжательстве, но прежде всего на хозяйственно-этическом учении Отцов Церкви.

Характерно, что старообрядчество, с его обостренным «религиозным критерием» оценки происходящих событий, уже в начале XX в. правильно определило главный субъект будущей глобализации – США, хотя в этот период они еще не сравнялись с самыми развитыми странами мира – Англией, Францией и Германией. Внимание старообрядческой мысли привлекли такие свойства американского империализма как его транснациональный характер и стремление забрать в свои руки политические институты. И. А. Кириллов называет эту набирающую силу власть американского капитала «незримой империей», которая «тихо, незаметно» ломает законы, изменяет государственные организации и в своей мощи рано или поздно, превзойдя власть правительства, превратится в империю «зримую», т.е. перешагнет национальные границы и пойдет к своим целям цинично и открыто. В заключение старообрядческий автор отмечает: «“Незримая империя” не знает граждан, она знает только деспотов и рабов»¹⁷.

Традиционализм старообрядчества вступает с вестернизационной апостасией в непримиримые противоречия по всему, разделяющему их идеологическому фронту. В наследии старообрядческой культуры можно найти бесконечные ресурсы противостояния этим чуждым для России, разрушающим ее процессам.

Библиографический список

Бердяев Н. Философия свободного духа. Глава V. Зло и искупление // <http://www.vehi.net/berdyaev/fsduha/05.html> (дата обращения: 14.05.2013)

Кириллов И.А. Правда старой веры. – Барнаул: Фонд поддержки..., 2008. –502 с.

Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. – ПСС. – Изд. 5. – Т. 27. – С. 301–426.

Нарочницкая Н.А. О либерализме и либертарианстве // <http://spgk.kz/index.php/Table/Maksim-Ivlev/O-liberalizme-i-libertarianstve.html> (дата обращения: 05.09.2012)

Национализм старообрядчества // Слово Церкви. – 1914. – № 5. – С. 131.

Сенатов В. Философия истории старообрядчества. – М.: Библиотека журнала «Церковь», 1995. – 86 с.

Скубневский В.А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в.: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – 241 с.

Старообрядцы и мирская жизнь // Слово Церкви. – 1916. – № 28. – С. 595.

Старообрядчество и социализм // Голос Церкви. – 1918. – № 3. – С. 139–145.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингиз-хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. – С. 211–266.

Фроянов И.Я. Глобализация и судьбы России // <http://www.cprfspb.ru/7112.html> (дата обращения: 14.05.2013)

Шмурло Е.Ф. Русские поселения за южным Алтайским хребтом // Зап. ЗСО РГО. 1898. – Кн. 25. – С. 1–64.

Юзов И.И. Общинность у староверов // Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. – Ч. 1. Староверы. – СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1881. – С. 9–122.

¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингиз-хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. – С. 211–266.

² Нарочницкая Н.А. О либерализме и либертарианстве // <http://spgk.kz/index.php/Table/Maksim-Ivlev/O-liberalizme-i-libertarianstve.html> (дата обращения: 05.09.2012)

³ Бердяев Н. Философия свободного духа. Глава V. Зло и искупление // <http://www.vehi.net/berdyayev/fsduha/05.html> (дата обращения: 14.05.2013)

⁴ Фроянов И.Я. Глобализация и судьбы России // <http://www.cprfspb.ru/7112.html> (дата обращения: 14.05.2013)

⁵ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. – ПСС. – Изд. 5. – Т. 27. – С. 301–426.

⁶ Старообрядцы и мирская жизнь // Слово Церкви. – 1916. – № 28. – С. 595.

⁷ Сенатов В. Философия истории старообрядчества. М., 1995. С. 85.

⁸ Старообрядчество и социализм // Голос Церкви. – 1918. – № 3. – С. 139–140.

⁹ Национализм старообрядчества // Слово Церкви. – 1914. – № 5. – С. 131.

¹⁰ Кириллов И. А. Правда старой веры. Барнаул, 2008. – С. 374–376.

¹¹ Нарочницкая Н.А. О либерализме и либертарианстве // <http://spgk.kz/index.php/Table/Maksim-Ivlev/O-liberalizme-i-libertarianstve.html> (дата обращения: 05.09.2012)

¹² Там же.

¹³ Булгаков С. Два града. Т.П. Цит. по: Кириллов И. А. Правда старой веры. – Барнаул, 2008. – С. 378.

¹⁴ Юзов И.И. Общинность у староверов // Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. – СПб., 1881. – С. 115.

¹⁵ Шмурло Е.Ф. Русские поселения за южным Алтайским хребтом // Зап. ЗСО РГО. – 1898. – Кн. 25. – С. 25.

¹⁶ Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в.: Монография. – Барнаул, 2001. – С. 142.

¹⁷ Кириллов И.А. Правда старой веры. – Барнаул, 2008. – С. 298.